

РОЛЬ ОБРАЗА СВЯТОЙ ПЕРВОМУЧЕНИЦЫ ФЕКЛЫ В РОСПИСИ “ЧАСОВНИ ИСХОДА” В ЭЛЬ-БАГАВАТЕ*

К числу памятников раннехристианской живописи первостепенной важности специалисты по праву относят росписи нескольких погребальных часовен некрополя эль-Багават в оазисе Харга (Верхний Египет). Некоторые из этих памятников ввел в научный оборот хранитель Эрмитажа Владимир Георгиевич Бок в своем посмертном издании “Материалы по археологии христианского Египта”.

В данной работе речь пойдет об одной из 263-х часовен некрополя. Эта постройка, названная Боком “гробницей с библейскими персонажами”¹, в современной литературе фигурирует под названием “часовня Исхода” (по основному сюжету росписи, украшающей ее купол) и значится под № 30 по общепринятой нумерации А. Фахри².

Размеры часовни, как и большинства построек погребального назначения, скромные: длина – 4 м, ширина – 3,7 м, высота – 3,2 м; общая площадь – около 15 кв. м; диаметр купола – 2,5 м. Купол, площадь которого чуть больше 5 кв. м, расписан; на светло-желтом фоне красками розовато-коричневых цветов изображены люди, архитектурные сооружения, корабли, лодки, скарб, животные, птицы, растения. Греческие пояснительные надписи рядом с некоторыми изображениями и иконографические реалии в ряде случаев помогают идентифицировать персонажей и определять сюжеты.

Эта роспись (пожалуй, как никакой другой памятник коптской монументальной живописи) привлекала и привлекает к себе внимание специалистов³. Датируют ее обычно периодом от IV до VI в. Я склонен отнести ее к V столетию.

Она интересна с технологической и художественной точек зрения, своеобразна в стилистическом отношении, в ряде случаев необычна по иконографии, трактовке сцен и отдельных персонажей, а главное – очень емка в символическом осмыслении. Всех этих проблем я не касаюсь, а обращаюсь только к событийно-сюжетной стороне росписи и одной из представленных в ней героинь.

Памятнику более полутора тысяч лет. Время и людское невежество оставили на нем непоправимые следы: состояние его очень плачевно. И все же общее, вполне конкретное представление о нем создать можно⁴. Специалистами выяв-

* Основой для статьи послужил доклад, зачитанный автором 19 декабря 2001 г. на научном заседании Отдела Востока Государственного Эрмитажа, посвященном 100-летию выхода в свет труда В.Г. Бока “Материалы по археологии христианского Египта” (СПб., 1901).

¹ Бок В.Г. Материалы по археологии христианского Египта. СПб., 1901. С. 21–25. Рис. 32–33. Табл. VIII–XV.

² Fakhry A. The Nekropolis of El-Bagawät in Kharga Oasis. Cairo, 1951.

³ Основную литературу об этом памятнике, появившуюся после выхода в свет монографии Ахмеда Фахри, см. в ст.: Каковкин А.Я. Об одном изобразительном мотиве в росписи “часовни Исхода” в эль-Багавате // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 2001. М., 2002.

⁴ В этом отношении неопределимо велика роль фотографий росписи, выполненных В.Г. Боком во время его первой экспедиции в Египет в 1888–1889 гг. Большинство их было представлено на выставке привезенных Боком из второй поездки в долину Нила разнообразных

лено в росписи 13 основных сюжетов и насчитано более полусотни персонажей. Подавляющее большинство изображений иллюстрируют события ветхозаветной истории и изображают ее героев⁵.

Остановлюсь на событиях и основных героях, запечатленных художником. Самое раннее по времени событие – изгнание прародителей Адама и Евы из рая. Затем – спасение в ковчеге праведного Ноя с семейством во время потопа. Два эпизода из истории “друга Божьего” и “отца веры” Авраама: жертвоприношение Исаака и встреча слуги Авраама Елиазара с Ревеккой – будущей женой Исаака и матерью его детей: Исава и Иакова-Израиля. Самый насыщенный людьми, животными, скарбом эпизод – исход израильтян из Египта во главе с Моисеем. Он включает несколько событий: преследование евреев фараоном, блуждание евреев в течение сорока лет по Синайской пустыне, Моисей на подступах к земле обетованной, символизированной изображением храмовой постройки, три фронтона которой украшены анхами – древнеегипетскими знаками вечной жизни⁶. Наконец, образы представителей избранного Богом народа во время его вавилонского плена: пророки Иеремия и Даниил, три отрока в печи огненной, праведная Сусанна и др. В эти важные избранные моменты истории “вкраплены” изображения некоторых живших в разное время и в разных местах других героев: современник Моисея страдалец Иов из страны Уц, пророк Иона, связанный с Ниневией, пророк Исайя в Иерусалиме и др.

Из приведенного перечня ясно, что в этой компании избранных персонажей Священного Писания не нашлось места для изображения многих знаковых ветхозаветных героев, таких, как Иосиф, Давид, Соломон и др. Примечательно, что художник проигнорировал абсолютно всех героев Нового завета. И в то же время он счел возможным изобразить в росписи жившую в Малой Азии в I – начале II в. святую деву Феклу. Этот образ и будет предметом моего рассмотрения, в основе которого лежит вопрос: почему именно Фекла, а не какой-то другой святой удостоился чести быть представленным среди персонажей росписи (рис. 1)?

Первым, кто обратил внимание на изображение Феклы в данном памятнике, был В.Г. Бок. Сцену с нею он описал так: “Левее (сцены Жертвоприношения Авраама. – А.К.), отделенная от стада деревом, изображена св. Фекла (ΘΕΚΛΑ), стоящую в пылающем костре с распростертыми руками в известной позе “оранты”⁷. Столь же общо описывали этот образ и другие исследователи, не задаваясь вопросом; почему именно Фекла представлена в этом живописном ансамбле. В большинстве своем они ограничивались лишь замечанием, что это единственный в росписи персонаж, живший после Рождества Христова и что изображение Феклы встречается по меньшей мере еще в двух часовнях эль-Багавата⁸. А между тем образ св. Феклы, на мой взгляд, является

памятников. Выставка была устроена в Лоджиях Рафаэля Эрмитажа (см.: Каковкин А.Я. Первая коптская выставка в Эрмитаже // *Coptica Hermitagiana*. Сборник материалов. К 100-летию коптской коллекции Эрмитажа. СПб. 2000. С. 56–69). Часть этих фотографий была воспроизведена в “Материалах по археологии...”. Зафиксировавшие состояние памятников эль-Багавата на конец 80-х годов XIX в., они до сих пор широко используются исследователями.

⁵ Фигурирующие в литературе мнения о том, что в росписи представлен Добрый пастырь и праведные девы из евангельской притчи (Мф 25: 1–13), на мой взгляд, ошибочны. Я готовлю работу на эту тему.

⁶ *Cramer M.* Das altägyptische Lebenszeichen ♀ im christlichen (koptischen) Ägypten. Wien, 1943.

⁷ Бок В.Г. Указ. соч. С. 23.

⁸ “Часовня Мира” (*Fakhry A.* Op. cit. P. 71) и часовня № 25 (*Ibid.* P. 74).

ся, как никакой другой в росписи, не просто знаковым, а концептуальным. Попробую это доказать.

О св. Фекле известно немного. Тертуллиан (ум. ок. 230 г.) упоминает о греческом апокрифе “Деяния Павла и Феклы” из 43-х глав, написанном в самом конце II в. неким малоазийским пресвитером “из любви к апостолу Павлу”⁹. Тогда же епископ Селевкии Исаврийской Василий сочинил “Житие Феклы”¹⁰. Из этих трудов известно, что родилась Фекла в первой половине I в. в богатой языческой семье в Иконии. Зажигательная проповедь слова Истины в этом городе апостола Павла распалила в ее душе неугасимый огонь веры в Спасителя и пламенную любовь к Нему. Фекла стала верной ученицей и сподвижницей “апостола языков”. За это Феклу по настоянию ее матери и жениха подвергли страшным мучениям: обнаженную ее выставляли в цирке и на ристалище на растерзание диким зверям, пытались утопить, сжечь, разорвать быками, обесчестить. Но Господь, в которого безоговорочно уверовала Фекла, был всегда ее надежной защитой. Она была первой христианкой, претерпевшей ряд мученичеств за веру, поэтому ее прозвание – “первомученица”. В этом смысле Фекла полностью отвечает словам Господа, явившегося однажды во время смиренной молитвы учредителю иноческого общежития Пахомию: “...иные спасутся через напасти и скорби и явятся равными всяким святым”¹¹, и призыву своего учителя: “Вам (христианам. – А.К.) дано не только веровать в Него (Христа. – А.К.), но и страдать за Него”. В зрелом возрасте Фекла сподобилась дара чудотворений и исцелений недужных, она крестила новообращенных и, выполняя завет апостола Павла: “Ступай и учи людей слову Божию!”, осуществляла основную задачу Церкви – несла в мир, как это делали ученики Христа, евангельскую весть, за что и была отнесена к немногочисленному сонму “равноапостольных” святых. Тем самым Фекла воплотила в себе образ совершенно нового, воцерковленного человека, цель жизни которого – беззаветное служение Творцу, непоколебимая вера в Него, безоговорочное упование на Него, всегдашняя готовность засвидетельствовать все это своей кровью. За это причастница вечной жизни, “глава женских побед и трофеев” (как называл ее Исидор Пелусиот, ум. ок. 440 г.), “победоносная Фекла” (выражение блаженного Феодорита, ум. 457 г.), по праву приравнена в достоинстве к праотцам, патриархам, пророкам и другим божьим угодникам, главный смысл жизни которых состоял в жертвенном служении Творцу. Недаром Амвросий Медиоланский (ум. в 397 г.) в обращении к девственницам писал: “Пусть же святая Мария (Богоматерь. – А.К.) вам будет наставницею в науке жития. А жертвенности пусть учит вас Фекла”¹².

Но образ Феклы в росписи не только духовный аналог ветхозаветным праведникам, образы которых широко представлены в росписи. Отцы и учителя Церкви ставили Феклу в один ряд и с высокочтимыми божьими угодниками Нового завета. Так Григорий Назианзин (Богослов) (ум. ок. 390 г.) в своем Первом обличительном слове против Юлиана Отступника говорит, что нечестивый им-

⁹ Schmidt C. Acta Pauli aus der Heidelberger köptischen Papyrushandschrift № 1. Leipzig. 1904; Vouaux L. Les Actes de Paul et ses lettres apocryphes. P., 1913.

¹⁰ Pantinus P. Basilii Seleucia de vita ac miraculis P. Theclae. Antverpiae, 1608; Lipsius R.A., Bonnet M. Acta apostolorum apocrypha. Bd. I. Lipsiae, 1891. S. 270–272; Carbol F. La légende de sainta Thècla. P., 1895.

¹¹ Vita Pach. N 43. Paralip. N 17.

¹² Амвросий Медиоланский. О девственницах // Творения святителя Амвросия, епископа Медиоланского, по вопросу о девстве и браке. Изд. Казанской Духовной Академии. Казань, 1901. С. 74.

ператор “не постыдился даже жертв, за Христа закланных, и не убоился даже великих подвижников; Иоанна одного (Предтечи. – А.К.), Петра, Павла, Иакова, Стефана, Луки, Андрея, Феклы и прочих прежде и после оных за истину пострадавших... Им же и великие чести и торжества праведно учреждена суть”¹³.

Остановлюсь еще на одном важном обстоятельстве, выделяющем образ Феклы из среды других персонажей росписи. Из Священного Писания известно, что Творец заключал с представителями рода человеческого четыре договора-обетования. Первое – с прародителями при изгнании их из рая; “семя жены сотрет главу змия” (Быт. 3, 15). Спасенному в водах потопа Ною Бог обещал не истреблять больше род человеческий. Аврааму Господь предрек появление наследника, от которого произойдет бесчисленное потомство. Моисею Он обещал, что пророк увидит, а народ его обретет землю обетованную. Значительная часть персонажей росписи были “свидетелями” исполнения большинства обетований. Авраам и его наследники – это живущие на земле потомки Ноя. Современники Моисея – очевидцы многочисленности рода Авраама. Ну, а наследники Моисея, выведенные им из Египта, унаследовали землю обетованную. Выходит, что все представленные в росписи ветхозаветные персонажи были свидетелями или участниками исполнения того или иного обетования Бога, кроме первообетования – предсказания прихода на землю искупителя людских грехов и победителя смерти, т.е. воплощения Сына Божьего. Это обетование осуществилось только через шесть веков после смерти последних фигурирующих в росписи представителей избранного Богом народа (персонажи эпохи вавилонского пленения). И единственной (из всех героев росписи!) свидетельницей осуществления этого обетования о пришествии на землю Спасителя была Фекла.

Итак, говоря словами учителя Феклы апостола Павла, то, “что было предсказано Словом и написано в Священном Писании”, свершилось. Приход Христа на грешную землю стал исторической реальностью. Ожидаемое народом Завета искушение и спасение стали настоящим.

В росписи представлен как бы спрессованным отрезок времени в истории человечества, по богословским представлениям в 5508 лет – от грехопадения до становления христианства на земле. Абсолютное преобладание в росписи ветхозаветной тематики можно расценивать как стремление художника (а скорее заказчика) запечатлеть многогранный религиозный и моральный опыт Божьего народа, опыт, открывший возможность “миру сему” обрести спасение. Иначе говоря, здесь мы имеем художественное отражение эпизодов библейской истории как подготовительного акта к боговоплощению, т.е. к спасению. И главное в этом акте – то, что спасения удостоился не только богоизбранный народ, но – как и было предсказано – в смерти и воскресении Иисуса Христа совершилось спасение всего человечества. И человечество это олицетворяет именно и только Фекла – единственный персонаж росписи, родившаяся через несколько лет после Голгофской трагедии.

Отмечу еще один важный момент в осмыслении образа Феклы.

Назначение погребальных сооружений, их скульптурное и живописное убранство, их инвентарь призваны были воплощать идею спасения. И эта идея убедительно реализована в росписи часовни. Большинство зафиксированных в ней событий – спасительные (Ноев ковчег, Жертвоприношение Авраама, Исход, истории с Ионой, Даниилом, тремя отроками, Сусанной и др.), как и олицетворяющие само понятие спасения многие герои – верные слугители Богу (Ной, Авраам, Исаак, Иов, пророки: Исайя, Иеремия и др.).

¹³ Митрополит Филарет. Пространный христианский катехизис. Варшава, 1930. С. 93.

Эту роспись вполне можно рассматривать как своеобразное, выполненное в живописной форме “руководство к спасению”. И помещение здесь изображения св. Феклы убедительнейшим образом отвечает идее спасения.

Наверняка в начальные века нашей эры в памяти верующих еще свежи были воспоминания о подвижнической, полной суровых испытаний жизни святой девы Феклы. Свидетельств тому множество: отмечавшиеся уже сочинения конца II в. “Деяния Павла и Феклы” (кстати, уже в V в. появились его переводы с греческого на другие языки, в том числе и на коптский¹⁴) и “Житие Феклы” епископа Селевкии Василия, упоминания в разных контекстах имени первомученицы в творениях Григория Богослова, Амвросия Медиоланского, Исидора Пелусиота, блаженного Феодорита. “Мать отшельниц” преподобная Синклитикия Александрийская (ум. ок. 350 г.) избрала св. Феклу себе в образец. На V–VI вв. (время создания большинства росписей в эль-Багавате) приходится самое большое количество коптских памятников с изображениями Феклы (росписи, каменные рельефы, металлические изделия, ткани, глиняные ампулы¹⁵).

По местной, малоазийской легенде, изложенной епископом Селевкии Василием (см. примеч. 10), жизнь св. Феклы, всецело посвященная Богу, закончилась чудесным образом: девяностолетняя девственница жила близ Селевкии; здесь, на закате земной жизни, по наущению завистливых лекарей-язычников (у которых чудесные исцеления святой отнимали выгодную практику) шайка молодых негодяев вознамерилась обесчестить деву. Фекла стала убегать от своих преследователей. Но годы давали о себе знать: гонители настигали ее, и тогда, теряя силы, изнемогая, она обратилась с мольбой о помощи к Творцу. Господь и на этот раз не оставил свою верную служанку; на ее пути, в горе образовалась расщелина, Фекла вступила в нее и за ее спиной камни сомкнулись. В руках ее преследователей остался лишь клочок ее одежды.

Вскоре на месте чудесного восхождения праведной девы образовалось святилище, ставшее одним из самых почитаемых паломнических центров в Малой Азии. Здесь многие паломники от источника во дворе церкви исцелялись от слепоты. По свидетельству блаженного Феодорита, тут побывали праведные Марина и Кира. Сюда, отойдя от дел “пошел беглецом” архиепископ Константинопольский Григорий Богослов, “предаваясь здесь богомыслию и созерцанию”¹⁶.

А.Н. Грабар полагал, что заключительный эпизод земной жизни св. Феклы, изложенный епископом Василием, запечатлен в северо-восточной части росписи часовни¹⁷. Здесь, левее фигуры Исаака из сцены “Жертвоприношение Авраама”, представлена фигура с поднятыми вверх руками. Отсутствие пояснительной надписи затрудняло идентифицировать ее. Бок назвал ее “орантой”. Вульф – “Саррой, женой Авраама”, Фахри – “Саррой, оплакивающей участь своего сына” Исаака. Айналов, не конкретизируя фигуру, писал: “За спиной ее растет высокое красивое дерево. Вокруг фигуры – темный фон пятном. Еще дальше стоит предмет квадратной формы, перевязанный (?) накрест, т.е. связка дров. За ним растет куст”¹⁸. Шварц принял этот предмет за двухстворчатую

¹⁴ *Voiaix L.* Op. cit. P. 15–17 (описаны коптские рукописи, содержащие “Историю Феклы”).

¹⁵ *Каковкин А.Я.* Образ святой Феклы в коптском искусстве // Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга. Краткое содержание докладов. СПб., 1999. С. 48–51.

¹⁶ *Прот. Георгий Фроловский.* Восточные отцы IV-го в. 2-е изд. Париж, 1990. С. 94.

¹⁷ *Grabar A.* La fresque des saintes femmes au tombeau à Doura // *Cahiers archéologiques.* 1956. VIII. P. 27–36.

¹⁸ *Айналов Д.В.* [Рец.]: *Бок В.Г.* Материалы по археологии христианского Египта. СПб., 1901 // ВВ. 1902. Т. 9. С. 170.

дверь. Грабар полагал, что здесь представлена стоящая перед скалой Фекла, обращаясь к Господу с мольбой о помощи, а квадрат, разделенный крестообразной фигурой на четыре равные части, – святилище, вскоре возникшее на этом месте¹⁹. Если предположения Грабара верны (а их никто не оспаривает, хотя, похоже, и не разделяет²⁰), то мы имеем уникальную в христианском искусстве иллюстрацию важного эпизода жития первомученицы. И это, несомненно, еще больше повышает значение образа Феклы в росписи. При этом она становится главным смысловым действующим лицом всего живописного ансамбля.

Долгая жизнь первомученицы, оставшейся, по словам Исидора Пелусиота, “вечным столпом девства”, жестокие физические и моральные испытания, выпавшие на ее долю, наконец, чудесное завершение ее жизненного пути – факты, наверняка оставившие неизгладимый след в памяти верующих и воспринимавшиеся как убедительные свидетельства безусловности и реальности защиты Господом своих чад.

Вышеизложенное, на мой взгляд, позволяет считать образ святой первомученицы, равноапостольной Феклы ключевым в росписи купола “часовни Исхода”.

¹⁹ Христианские святилища и мартириумы обычно отмечались крестами, см., например, ткань V в. с изображением Даниила из берлинского Музея позднеантичного и византийского искусства – Ägypten Schätze aus dem Wüstensand. Kunst und Kultur der Christen am Nil. Katalog zur Ausstellung. Wiesbaden, 1996. S. 366–368. N 420 b – и изображение св. Коллуфа рядом со своим святилищем в росписи “зала празднеств” в Карнаке.

²⁰ Г. Стерн (*Stern H. Les peintures du musolée de l'Exode à el-Bagawat // Cahiers archeologiques.* 1960. XI. P. 93–119) только упоминает об этом предположении Грабара.